

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОСТИ

РАССКАЗЫВАЕМ О ТЕАТРЕ-СТУДИИ СЦЕНИЧЕСКИХ
ИСКУССТВ ПРИ ЦДКЖ. РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДИИ —
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ КОКОРИН, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
КОНСУЛЬТАНТ — АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КРАВЦОВ.

ТОЛЬКО что подготовлен спектакль «Серебряные рельсы» по одноименной документальной повести Владимира Чивилихина. Пьеса А. Кравцова позволила зрителям как бы воочию увидеть легендарных изыскателей Абакано-Тайшетской трассы — Александра Кошурникова, Алексея Журавлева. Константина Стофато.

Премьера — это венец работы, конечный ее результат. Но есть в студии маленький музей трех героев — стенды с фотографиями, письмами, схемами маршрута погибшей в 1942 году экспедиции. Вот запечатленный на фото пленке дневник Кошурникова. От стендов невозможно отойти бестрепетно: было оживает, грозно продолжается вновь. Но задевает и другое: гражданственность молодых студийцев, собравших обширный материал. Все это прислано из Сибири, из Артемовского горкома партии, из Новосибирска, из Томска... Сибиряки, студенты московских вузов, тоже пришли на помощь ровесникам. Узнав о готовящемся спектакле, они прибежали в ЦДКЖ и показали свой фильм о реке Казыре, где на плоту погибли Стофато и Журавлев.

Сколько же длился сбор документов? Год? Может быть, полгода? В июле 1977-го пьесы еще не было. А 23 октября состоялась премьера...

Студия возникла 26 октября 1975 года, возникла, по признанию одного из ее основателей, для того, чтобы в каждом молодом студийце сформировать самостоятельную личность.

Все заботы, как в коммуне, здесь делаются поровну. Лозунг студии: каждый актер должен состоять в одном из цехов — декорационном, костюмерном, гримерном, радио...

— Человек должен трудиться. Чем больше он работает, тем меньше у него самомнения, позы, фальши. Вот где каюк премьерству! — говорит А. М. Кравцов.

...Заглянем в гримерную, где готовятся к выходу на сцену Владимир Абрамушкин (Кошурников - старший). Борис Смирнов (Александр Кошурников). Саша Корженков (Константин Стофато). Студийцы сосредоточены, собраны, сейчас им не до разговоров. Но я не замечаю никаких следов невроза, раздраженности.

— Студийцы в большинстве своем — не москвичи, — продолжает Александр Михайлович. — Но они вбирают здесь московскую культуру.

— Видимо, — заключает Александр Михайлович, — существует два пути к культуре: образование,

переданная по наследству тонкая этика — и корневое воспитание, идущее от традиций. Отсюда — шушкинский тип интеллигента. Здесь, в студии, даже возраст не имеет значения, так велика роль человеческого достоинства каждого.

— А как набирали в студию?

— Внешняя мода на искусство создала стереотип, испортила психологию многих абитуриентов. Нет, «актер актерычей» с поставленными голосами, с неотразимой внешностью, со сценической возбужденностью мы не принимали. Мы брали людей правдивых, но не стереотипных. Пусть он наивен, этот паренек, но он сам свой.

Но, может быть, лучше всего о сущности студийных традиций говорят судьбы учащихся.

Приехал в Москву Владимир Купцов («как д'Артаньян!» — шутят его наставники). Попытался поступить в театральный институт. Провалился. Стал каменщиком. Поступил в студию. Здесь заметили его организаторские способности. И через три месяца вчерашний неудачник поступает на театрально-экономическое отделение ГИТИСа. Сейчас Владимир Дмитриевич Купцов работает помощником начальника Театра Советской Армии. Студия помогла человеку найти призвание.

Два года назад пришел к Кокорину и Кравцову Константин Тиновицкий, мастер спорта СССР, чемпион Москвы по дзю-до 1975 года, преподаватель МИИТа, богатырь. Первые его слова были: «Я чувствую, как мне не хватает искусства. Я ведь преподаватель, а не тренер». И то, чего жаждала его неутоленная, многогранная личность, он обрел здесь, в театре-студии.

Володя Мухаметов, связист, переступил заветный порог растерянным мальчиком. И с удивлением увидел, что он может быть интересен, что он нужен студии. Теперь Мухаметов — любимец всеобщий. В «Серебряных рельсах» он создал неподкупно правдивый, лично пострадавший образ сына Кости Стофато — Владимира.

После спектакля — вовсе не пожинание лавров. Все тот же взыскательный, бескомпромиссный разговор. Рабочий разговор. Чаше — об ошибках. Реже — об успехах. И если усталые люди после спектакля остаются на «интеллектуальные посиделки», то это о чем-нибудь да говорит.

Т. НИКОЛОГОРСКАЯ.